

Воспоминанія о Рыбаковѣ.

Въ началѣ 60-хъ годовъ Ростовскій театръ славился лучшимъ подборомъ артистовъ и артистокъ. Играли и были любимцами публики: Чарскій, Зубовичъ, Ленскіе, мужъ и жена, Барышова и Андреева-Чарская. Но помимо этого на сценѣ появились и такіе корифеи, какъ Щепкинъ, Васильевъ, негръ Ольдридждъ и, наконецъ, знаменитый провинціальный трагикъ Н. Х. Рыбаковъ. Слава Рыбакова гремѣла по всему югу, и появленіе его въ Ростовъ было громкимъ событіемъ для всего театра. Нужно ли прибавить, что Рыбаковъ страдалъ частымъ запоемъ и нигдѣ долго не могъ удержаться на мѣстѣ. Изъ Ставрополя Кавказскаго пѣшкомъ пришелъ въ Ростовъ и въ самомъ ужасномъ видѣ: въ опоркахъ, оборванный, грязный и такъ явился въ театръ. Вильяно принялъ его съ распростертыми объятіями и сейчасъ же назначилъ первый спектакль въ его пользу. Дебютировалъ Н. Х. въ французской драмѣ „Сорокъ лѣтъ или жизнь игрока“.

Я видѣлъ его въ этой пьесѣ и, кажется, никогда не забуду.

Голосъ, фигура, жесты, рельефность и блескъ игры составляли особую артистическую фізіономію, магически вліяющую на публику.

Зрители забывали, что они въ театрѣ, и переживали съ нимъ вмѣстѣ весь ужасъ человѣческихъ страстей. Театръ, переполненный сверху до низу, какъ говорится, яблоку

негдѣ было упасть, замеръ въ сосредоточенной, напряженной тишинѣ, изрѣдка нарушаемой чѣмъ-нибудь подавленнымъ вздохомъ. И Рыбаковъ, какъ магъ, какъ волшебникъ завораживалъ толпу своей игрой, можетъ быть и самъ того не сознавая. Такова была сила его таланта!

И думаю, что и теперь кто его помнитъ, то по собственному переживанію можетъ опредѣлить особую мощь, дѣйствующую, точно гипнозъ на зрителя, сравнивая даже съ хорошими артистами, перебивавшими послѣ на ростовской сценѣ.

Въ описываемое время, противъ театра, существовала маленькая гостиница, называвшаяся „Золотой фазанъ“, туда собиралась молодежь играть на бильярдѣ и тамъ, въ числѣ посѣщавшихъ актеровъ, часто можно было встрѣтить и Рыбакова.

Я съ нимъ былъ знакомъ. Бывалъ въ компаніи, сидя за чаемъ и слушая рассказы изъ его богатой приключеніями жизни, передаваемые имъ за дѣйствительность, гдѣ естественное переплеталось съ чѣмъ-то невѣроятнымъ, чудеснымъ, рождавшимъ всегда сомнѣніе въ знакомствѣ рассказчика съ самыми простыми элементарными истинами. По своему развитію, по взглядамъ на жизнь, Рыбаковъ казался человѣкомъ темнымъ и малообразованнымъ. Литературой не интересовался и имѣлъ о ней самое смутное представленіе, зналъ только тѣхъ авторовъ, пьесы которыхъ игралъ. Вѣрилъ въ массу предразсудковъ, въ разную несообразность, доходившую иногда до абсурда. Говорилъ, наприкладъ, если бросить въ крутящейся вихрь ножъ, то попадешь въ чорта, и ножъ будетъ въ крови. Вѣрилъ въ заклинанія, заговоры, въ дурной глазъ, въ порчу и пр. и пр.

Помню, однажды, на вопросъ о томъ, что ему, вѣроятно, приходится много работать, изучая характеры тѣхъ героевъ, которые исполняются имъ съ такимъ совершенствомъ на сценѣ, онъ не задумываясь отвѣтилъ: „Никакого изученія для этого не нужно, за исключеніемъ знанія роли на зубокъ, чтобы не быть въ зависимости отъ суфлера. И тутъ же прибавилъ: „играю такъ, какъ Богъ на душу положитъ“.

И несмотря на такое наивное объясненіе, на полную некультурность, Рыбаковъ все-таки былъ выдающимся провинціальнымъ актеромъ, и слава его, хотя и ушла съ нимъ въ могилу, но сохранилась въ памяти у тѣхъ, кто хотя разъ видѣлъ его въ пьесахъ—Шиллера, Шекспира и Островскаго. Закапчивая о немъ свои воспоминанія, не могу пройти молчаніемъ, не сказавъ нѣсколько словъ о томъ мораль-

номъ и нравственномъ вліянїи, которыя въ общемъ оказывалъ театръ на посѣщавшую публику.

Помимо эстетическаго наслажденія, получаемаго отъ хорошаго исполненія, театръ отвлекалъ отъ трактировъ, грязныхъ танцклассовъ и открывалъ молодежи широкія перспективы лучшей и свѣтлой жизни.

Д. Проскурнинъ.

